

ПАМЯТНИКИ ЛИТЕРАТУРЫ XVIII ВЕКА

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ
КАРАМЗИН

ИЗБРАННЫЕ СТАТЬИ и ПИСЬМА

СОДЕРЖАНИЕ

ЧТО НУЖНО АВТОРУ?	3
ПАНТЕОН РУССКИХ АВТОРОВ	4
ПРИЯТНЫЕ ВИДЫ, НАДЕЖДЫ И ЖЕЛАНИЯ НЫНЕШНЕГО ВРЕМЕНИ	4
О КНИЖНОЙ ТОРГОВЛЕ И ЛЮБВИ КО ЧТЕНИЮ В РОССИИ	8
ЗАПИСКА О Н. И. НОВИКОВЕ	10
<МЫСЛИ ОБ ИСТИННОЙ СВОБОДЕ>	11
ИЗБРАННЫЕ ПИСЬМА	12
ПРИМЕЧАНИЯ	14

ЧТО НУЖНО АВТОРУ?

Говорят, что автору нужны таланты и знания: острый, пронизательный разум, живое воображение и проч. Справедливо, но сего не довольно. Ему надобно иметь и доброе, нежное сердце, если он хочет быть другом и любимцем души нашей; если хочет, чтобы дарования его сияли светом немерцающим; если хочет писать для вечности и собирать благословения народов. Творец всегда изображается в творении, и часто против воли своей. Тщетно думает лицемер обмануть читателей и под златою одеждою пышных слов сокрыть железное сердце; тщетно говорит нам о милосердии, сострадании, добродетели! Все восклицания его холодны, без души, без жизни; и никогда питательное, эфирное пламя не польется из его творений в нежную душу читателя.

Если бы небо наделило какого-нибудь изверга великими дарованиями славного Аруэта*, то вместо прекрасной Заиры, написал бы он — карикатуру Заиры. Чистейший целебный нектар в нечистом сосуде делается противным, ядовитым питием.

Когда ты хочешь писать портрет свой, то посмотришь прежде в верное зеркало: может ли быть лицо твое предметом искусства, которое должно заниматься одним *изящным*, изображать красоту, гармонию и распространять в *области чувствительного* приятные впечатления? Если творческая натура произвела тебя в час небрежения или в минуту раздора своего с красотой, то будь благоразумен, не безобразь художниковой кисти, — оставь свое намерение. Ты берешься за перо и хочешь быть автором: спроси же у самого себя, наедине, без свидетелей, искренно: *каков я?* ибо ты хочешь писать портрет души и сердца своего.

Ужели думаете вы, что Геснер мог бы столь прелестно изображать невинность и добродушие пастухов и пастушек, если бы сии любезные черты были чужды собственному его сердцу?

Ты хочешь быть автором: читай историю несчастий рода человеческого — и если сердце твое не обольется кровию, оставь перо, — или оно изобразит нам хладную мрачность души твоей.

Но если всему горестному, всему угнетенному, всему слезящему открыт путь в чувствительную грудь твою; если душа твоя может возвыситься до *страсти к добру*, может питать в себе святое, никакими сферами не ограниченное *желание всеобщего блага*: тогда смело призывай богинь Парнасских — они пройдут мимо великолепных чертогов и посетят твою смиренную хижину — ты не будешь бесполезным писателем — и никто из добрых не взглянет сухими глазами на твою могилу.

Слог, фигуры, метафоры, образы, выражения — все сие трогает и пленяет тогда, когда одушевляется чувством; если не оно разгорячает воображение писателя, то никогда слеза моя, никогда улыбка моя не будет ему наградою.

Отчего Жан-Жак Руссо нравится нам со всеми своими слабостями и заблуждениями? Отчего любим мы читать его и тогда, когда он мечтает или запутывается в противоречиях? — Оттого, что в самых его заблуждениях сверкают искры страстного человеколюбия; оттого, что самые слабости его показывают некоторое милое добродушие.

Напротив того, многие другие авторы, несмотря на свою ученость и знания, возмущают дух мой и тогда, когда говорят истину: ибо сия истина мертва в устах их; ибо сия истина изливается не из добродетельного сердца; ибо дыхание любви не согревает ее.

Одним словом: я уверен, что дурной человек не может быть хорошим автором.

---

*Защитник и покровитель невинных, благодетель Каласовой фамилии, благодетель всех Фернейских жителей имел, конечно, незлое сердце.

Истинное богатство языка состоит не во множестве звуков, не во множестве слов, но в числе мыслей, выражаемых оным. Богатый язык тот, в котором вы найдете слова не только для изъяснения их различий» их оттенков, большей или меньшей силы, простоты и сложности. Иначе он беден; беден со всеми миллионами слов своих. Какая польза, что в арабском языке некоторые телесные вещи, например *меч* и *лев*, имеют пятьсот имен, когда он не выражает никаких тонких нравственных понятий и чувств?

В языке, обогащенном умными авторами, в языке выработанном не может быть *синонимов*; всегда имеют они между собою некоторое тонкое различие, известное тем писателям, которые владеют духом языка, сами размышляют, сами чувствуют, а не попугаями других бывают.

1794

ПАНТЕОН РУССКИХ АВТОРОВ

Под сим титулом г. Бекетов издает собрание их портретов (очень изрядно гравированных) с критическими замечаниями. Мы любим портреты и чужестранных писателей: свои должны быть для нас еще интереснее. В начале изображены Боян и Нестор: не нужно сказывать, что одно воображение могло представить черты их. Издатель хотел только напомнить любителям литературы, что у нас и в древности были сочинители. Но истинный *век авторский* начался в России со времен Петра Великого: ибо искусство писать есть действие просвещения. Феофан и Кантемир составляют сию первую эпоху; за нею следует эпоха Ломоносова и Сумарокова; третью должно назвать время Екатерины Великой, уже богатое числом авторов; а четвертой... мы еще ожидаем...

1802

ПРИЯТНЫЕ ВИДЫ, НАДЕЖДЫ И ЖЕЛАНИЯ НЫНЕШНЕГО ВРЕМЕНИ

Все те, которые имеют счастье мыслить и судить беспристрастно, должны согласиться, что никакое время не обещало столько политического и нравственного благоденствия Европе, как наше. Революция объяснила идеи: мы увидели, что гражданский порядок священ даже в самых местных или случайных недостатках своих; что власть его есть для народов не тиранство, а защита от тиранства; что, разбивая сию благодетельную эгиду, народ делается жертвою ужасных бедствий, которые несравненно злее всех обыкновенных злоупотреблений власти; что самое турецкое правление лучше анархии, которая всегда бывает следствием государственных потрясений; что все смелые теории ума, который из кабинета хочет предписывать новые законы нравственному и политическому миру, должны остаться в книгах вместе с другими, более или менее любопытными произведениями остроумия; что учреждения древности имеют магическую силу, которая не может быть заменена никакою силою ума; что одно время и благая воля законных правительств должны исправить несовершенства гражданских обществ; и что с сею доверенностию к действию времени и к мудрости властей должны мы, частные люди, жить спокойно, повиноваться охотно и делать все возможное добро вокруг себя.

То есть Французская революция, грозившая испровергнуть все правительства, утвердила их. Если бедствия рода человеческого в каком-нибудь смысле могут назваться благодетельными, то сим благодеянием мы, конечно, обязаны революции. Теперь гражданские начальства крепки не только воинскою силою, но и внутренним убеждением разума.

С самой половины осьмого-надесять века все необыкновенные умы страстно желали великих перемен и новостей в учреждении обществ; все они были в некотором смысле врагами настоящего, теряясь в лестных мечтах воображения. Везде обнаруживалось какое-то внутреннее неудовольствие; люди скучали и жаловались от скуки; видели одно зло и не чувствовали цены блага. Проницательные наблюдатели ожидали бури; Руссо и другие предсказали ее с разительной точностью; гром грянул во Франции... Мы видели издали ужасы пожара, и всякий из нас возвратился домой благодарить небо за целость крова нашего и быть рассудительным!

Теперь все лучшие умы стоят под знаменами властителей и готовы только способствовать успехам настоящего порядка вещей, не думая о новостях. Никогда согласие их не бывало столь явным, искренним и надежным.

С другой стороны правительства чувствуют важность сего союза и общего мнения, нужду в любви народной, необходимость истребить злоупотребления. Почти на всех тронах Европы видим юных государей, деятельных и ревностных к общему благу. Революция была злословием свободы: правительство, не хвалясь именем, дозволяют гражданам пользоваться всеми ее выгодами, согласными с основанием и порядком общества. Революция обещала равенство состояний: государи вместо сей химеры стараются, чтобы гражданин во всяком состоянии мог быть доволен; чтобы некоторое не было презрительным или угнетенным. Будем справедливы: где теперь добрый человек не может наслаждаться безопасностью?»)? Свирепствует ли где-нибудь тиранство в Европе, если исключим Турцию? Не везде ли обещают наукам покровительство? Не везде ли начальства желают способствовать успехам воспитания и просвещения, которое есть не только источник многих удовольствий в жизни, но и самой благородной нравственности; которое образует мудрых министров, достойных орудий правосудия, сынов отечества в семействах, рождая чувства патриотизма, чести народной гордости; и без которого люди служат только одному идолу подлой корысти. Государи, вместо того чтобы осуждать рассудок на безмолвие, склоняют его на свою сторону. Будучи, так сказать, вне обыкновенной гражданской сферы, вознесенные выше всех низких побуждений эгоизма, которые делают людей несправедливыми и даже злыми; наконец, имея все, они должны и могут чувствовать только одну потребность: *благотворить* и, смотря на всякого гражданина, думать: «Я заслужил любовь его!»

В самой литературе, которая столь сильно действует на умы, видим мы полезное следствие революции. Прежде сей эпохи всякая дерзкая книга была модною: ныне, напротив того, писатели боятся оскорбить нравственность, ибо перед всяким жива картина бедствий, произведенных во Франции развратом; даже в самых дурных романах соблюдается какая-то благопристойность и уважение к святине нравов: ибо сего требует счастливое расположение умов и сердец. Вольтер не мог бы ныне прославиться некоторыми насмешками, Буланже — педантством, Ламетри — безумием. Литература, более нежели когда-нибудь способствуя истинному просвещению, обратилась ныне к утверждению всех общественных связей.

Дружественный союз народов, благоприятствуя взаимному сообщению великих умов, подает справедливую надежду, что науки обогатятся еще открытиями новых феноменов или следствий, новых отношений любопытства к пользе, которая есть истинное совершенство учености. Науки физические еще далеки от своих крайних пределов; натура имеет много таинственного; время и опыты могут снять еще многие покровы и завесы на ее необозримой сцене... И не только физические науки, но и самая мораль открывает обширное поле для новых соображений ко благу людей. Мы несравненно богаче древних идеями и знанием человеческого сердца; однако ж не истощили нравственных наблюдений и не всеми известными воспользовались для утверждения своих понятий о человеке и способах счастья, которое должно быть главною наукою человечества и которого не могут дать сердцу самые мудрейшие правительства: ибо оно есть дело судьбы, ума и характера.

Взор русского патриота, собрав приятные черты в нынешнем состоянии Европы, с удовольствием обращается на любезное отечество. Какой надежды не можем разделять с дру-

гими европейскими народами мы, осыпанные блеском славы и благотворениями человеколюбивого монарха? Никогда Россия столько не уважалась в политике, никогда ее величие не было так живо чувствуемо во всех землях, как ныне. Итальянская война доказала миру, что колосс России ужасен не только для соседей, но что рука его и вдали может достать и сокрушить неприятеля. Когда другие державы трепетали на своем основании, Россия возвышалась спокойно и величественно. Довольная своим пространством, естественными сокровищами и миллионами жителей, не имея ни в чем совместников, не желая ничьей гибели, не боясь никакой державы, не боясь даже и союзов против себя (ибо они не согласны с особенными выгодами государств в отношении к ней), она может презирать обыкновенные хитрости дипломатики и судьбою избрана, кажется, быть истинною посредницею народов.

Главным, важнейшим благом в ее внутреннем состоянии назову я... нынешнее общее спокойствие сердец; оно всего дороже и милее; оно есть верное доказательство мудрости начальства в гражданском порядке. С другой стороны, друг людей и патриот с радостию видит, как свет ума более и более стесняет темную область невежества в России; как благородные, истинно человеческие идеи более и более действуют в умах; как рассудок утверждает права свои и как дух россиян возвышается. Не только в столицах, но и в самых отдаленных губерниях находим между благородными достойных членов государства, знающих его потребности, судящих справедливо о людях и действиях. Наше среднее состояние успевает не только в искусстве торговли, но многие из купцов спорят с дворянами и в самых общественных сведениях. Кто из нас не имел случая удивляться их любопытству, здравому рассудку и патриотическим идеям? Они чувствуют более нежели когда-нибудь важность прав своих и никому по завидуют. Сельское трудолюбие награждается ныне щедрее прежнего в России, и чужестранные писатели, которые беспрестанно кричат, что земледельцы у нас несчастливы, удивились бы, если бы они могли видеть их возрастающую промышленность и богатство многих; видеть так называемых рабов, входящих в самые торговые предприятия, имеющих доверенность купечества и свято исполняющих свои коммерческие обязательства! Просвещение истребляет злоупотребление господской власти, которая и по самым нашим законам не есть тиранская и неограниченная. Российский дворянин дает нужную землю крестьянам своим, бывает их защитником в гражданских отношениях, помощником в бедствиях случая и природы: вот его обязанности! За то он требует от них половины рабочих дней в неделе: вот его право!

Но патриотизм не должен ослеплять нас; любовь к отечеству есть действие ясного рассудка, а не слепая страсть; и, жалея о тех людях, которые смотрят на вещи только с дурной стороны, не видят никогда хорошего и вечно жалуются, мы не хотим впасть и в другую крайность; не хотим уверять себя, что Россия находится уже на высочайшей степени блага и совершенства. Нет, мудрое правление наше тем счастливее, что оно может сделать еще много добра отечеству.

Например (не говоря о другом): каким великим делом украсится еще век Александров, когда исполнится монаршая воля его; когда будем иметь полное, методическое собрание гражданских законов, ясно и мудро написанных? Я не удивляюсь (как некоторые), что законы Ярославы ценили деньгами убийство и вооружали родственников убитого кинжалом мести; не удивляюсь, что «Судебник» царя Иоанна велит решить сомнительные дела поединком; не удивляюсь, что в «Уложении» царя Алексея Михайловича нет философических сентенций и что законодатель не предвидел случаев нашего времени: ибо знаю, что все европейские народы в разные эпохи имели такие же несовершенные законы, как и мы. «Правда» Ярослава есть кодекс всех северных народов, разрушителей Римской империи и завоевателей Европы. «Судебник» Иоаннов ознаменован печатью средних веков, когда дух рыцарства и живая вера к праведным действиям неба ввели в законное обыкновение поединки. Авторы «Уложения» знали уже, как видно, Иустинианов кодекс, но имели у себя в виду единственно тогдашнее состояние России. Указы отца отечества, императрицы Анны, Елисаветы, особливо Екатерины Великой решают все важнейшие вопросы о людях и вещах в порядке гражданском: нужна только философическая метода для расположения предметов; но совершение сего дела будет славно для монарха и государства. Метода и порядок заключают в себе какую-то особенную силу для

разума, и судья, обнимая одним взором систему законов, удобнее впечатлеват их в душу свою. Тогда мы не позавидуем Фридрихову (вновь исправленному) кодексу; не позавидуем умному плану французского и пожалеем об англичанах, которых судилища беспрестанно запутываются в лабиринте несогласных установлении (writs), служащих им правилом. Великая Екатерина даровала нам систему политических уставов, определяющих права и отношения состояний к государству. Александр дарует нам систему гражданских законен, определяющих взаимные отношения граждан между собою. Тогда законоведение будет наукою всех россиян и войдет в систему общего воспитания.

Мы упомянули о воспитании: можно сказать, что дети у нас воспитываются лучше отцов своих; но сколько еще желаний и надежд, в рассуждении сего предмета, имеет в запасе патриотическое сердце? Каким общественным правилам следуют родители в образовании детей своих? Много ли у нас характеров? И молодой человек с *решительным образом мыслей* не есть ли редкое явление? Давно называют свет бурным океаном: но счастлив, кто плывет с компасом! А это дело воспитания. Родители, оставляя в наследство детям имение, должны присоединить к нему и наследство своих опытов, лучших идей и правил для счастья. Хорошо, если отец может поручить сына мудрому наставнику; еще лучше, когда он сам бывает его наставником: ибо натура дает отцу такие права на юное сердце, каких никто другой не имеет. Что мешает родителям заниматься детьми? По большей части светская рассеянность, действие полупросвещения в людях и в государствах. Взглянем на великих мужей, одаренных превосходными талантами ума: все они — не знаю, будет ли исключение, — все они, говорю, любят семейственные удовольствия. Взглянем и на самые народы: Англия есть, без сомнения, просвещеннейшая земля в Европе, и нигде люди не наслаждаются столько приятностями тихой домашней жизни, как в Англии. Просвещение ценит удовольствия и выбирает лучшие: а могут ли ничтожные светские забавы сравняться с нежными чувствами супруга и родителя, который, дав жизнь детям, дает им и мысли и чувства; ежедневно видит развитие души их, веселится ими как своею милою собственностью и готовит свету *украшенные нравственные образы, самого себя*? Совершенное просвещение находит средство наслаждаться временем, а несовершенное хочет только избавляться от него: дикий американец от скуки целый день качается на ветвях. — Европейец, презирая его невежество, от скуки бежит из дому — играть в карты! Дни летят, и он доволен; но с ними летит и жизнь — старость с болезнию приходит к нам в гости, и мы невольным образом должны наконец поселиться дома. Новые привычки тягостны накануне смерти! Нежный отец семейства не знает по крайней мере сей тягости; жив всегда дома, не имеет нужды привыкать в старости к кабинету, и на что ни взглянет вокруг себя, везде находит утешительные воспоминания; всякий бездушный предмет есть для него старый друг, приятно беседующий с ним о минувшем времени. И сколь не равное право на любовь и благодарность детей имеют два отца, из которых один сам воспитал их, а другой только нанимал учителей! Будет время, когда сия любовь и благодарность составят для нас главное удовольствие в жизни: подумаем об нем заранее!.. Я говорил только о счастии заниматься воспитанием детей; но с другой стороны, оно есть и долг гражданина, обязанного в семействе своем образовать достойных сынов отечества. В республиках предписывались для того законы; родительская нежность считалась гражданским достоинством и правом на общественную благодарность: ибо нежный отец семейства есть всегда нежный сын отечества, с судьбою которого соединена участь детей его. — Наконец скажем, что без хороших отцов нет хорошего воспитания, несмотря на все школы, институты и пансионы.

Любя жить дома, мы имели бы более способов заниматься не только воспитанием детей, но и хозяйством, которое заставило бы нас лучше соображать расходы с доходами. Безрасудная роскошь, следствие рассеянной жизни, вредна для государств и нравов. Человек, разоряясь, прибегает ко всем средствам спастись от бедности, и к самым незаконным; он скорее другого может притеснить своих крестьян и, питая гнусную алчность ростовщиков, поневоле обманывать честных заимодавцев; доверенность истребляется, и невинный терпит за виновного. Мы нередко видим, что самые богатые люди живут в нужде от беспорядка в хозяйственных

делах и неизвинительного мотовства. Ввечеру великолепное освещение, огромная музыка, живописные Терпсихорины группы и на столе произведения всех частей мира; а на другой день низкие поклоны заимодавцам! Хотят удивить иностранцев; хотят дать им выгодную идею о нашем вкусе, уме, просвещении... Усердные любители отечественной славы! Россия увольняет вас от таких патриотических усилий, от пятидесяти *сюрпризов* в один вечер и даже от французских куплетов; она требует от вас одной рассудительности, честности, одних гражданских и семейственных добродетелей; требует, чтобы вы заставляли иностранцев удивляться не мотовству своему, а порядку в ваших идеях и домах: вот действие истинного просвещения! — Я послал бы всех роскошных людей на несколько времени в деревню, быть свидетелями трудных сельских работ и видеть, чего стоит каждый рубль крестьянину: это могло бы излечить некоторых от суетной расточительности, платящей сто рублей за ананас для десерта. «Но богатством должно пользоваться?» Без сомнения. Во-первых, заплатите долги свои; во-вторых, приведите крестьян ваших, если можно, в лучшее состояние; а потом оставьте отечеству памятники вашей жизни. Сделайте что-нибудь долговременное и полезное; учредите школу, гошпиталь; будьте отцами бедных и превратите в них чувство зависти в чувство любви и благодарности; ободрите земледелие, торговлю, промышленность; способствуйте удобному сообщению людей в государстве: пусть этот новый канал, соединяющий две реки, и сей каменный мост, благодеяние для проезжих, называется вашим именем! Тогда иностранец, видя столь мудрое употребление богатства, скажет: «Россияне умеют пользоваться жизнью и наслаждаться богатством!»

Дворянство есть душа и благородный образ всего народа. Я люблю вообразить себе российских дворян не только с мечом в руке, не только с весами Фемиды, но и с лаврами Аполлона, с жезлом бога искусств, с символами богини земледелия. Слава и счастье отечества должны быть им особенно драгоценны; слава государств бывает различная, счастье их есть сложное. Не все могут быть воинами к судьями, но все могут служить отечеству. Герой разит неприятелей или хранит порядок внутренний, судья спасает невинность, отец образует детей, ученый распространяет круг сведений, богатый сооружает монументы благотворения, господин печется о своих подданных, владелец способствует успехам земледелия: все равно полезны государству. — Россияне одарены от природы всем, что возводит народы на высочайшую степень гражданского величия: умом и твердым мужеством. Мы спешим к цели — и, обращая взор на то место, где нашел россиян Петр, где нашла их Екатерина, смело надеемся, что между сею блестящею целию и нами скоро не будет уже ни одного европейского народа.

Не желаю быть мечтателем; но в царствование Александра могут ли добрые желания и патриотические надежды быть мачтами?

1802

О КНИЖНОЙ ТОРГОВЛЕ И ЛЮБВИ КО ЧТЕНИЮ В РОССИИ

За двадцать пять лет перед сим были в Москве две книжные лавки, которые не продавали в год ни на десять тысяч рублей. Теперь их двадцать, и все вместе выручают они ежегодно около двухсот тысяч рублей. Сколько же в России прибавилось любителей чтения? Это приятно всякому, кто желает успехов, разума и знает, что любовь к чтению всего более им способствует.

Господин Новиков был в Москве главным распространителем книжной торговли. Взяв на откуп университетскую типографию, он умножил механические способы книгопечатания, отдавал переводить книги, завел лавки в других городах, всячески старался приохотить публику к чтению, угадывал общий вкус и не забывал частного. Он торговал книгами, как богатый голландский или английский купец торгует произведениями всех земель: то есть с умом, с

догадкою, с дальновидным соображением. Прежде расходилось московских газет не более 600 экземпляров: г. Новиков сделал их гораздо богаче содержанием, прибавил к политическим разные другие статьи и, наконец, выдавал при «Ведомостях» безденежно «Детское чтение», которое новостью своего предмета и разнообразием материи, несмотря на ученический перевод многих пиес, нравилось публике. Число пронумерованных ежегодно умножалось и лет через десять дошло до 4000. С 1797 году газеты сделались важны для России высочайшими императорскими приказами и другими государственными известиями, в них вносимыми; и теперь расходится московских около 6000: без сомнения, еще мало, когда мы вообразим величие империи, но много в сравнении с прежним расходом; и едва ли в какой-нибудь земле число любопытных так скоро возрастало, как в России. Правда, что еще многие дворяне, и даже в хорошем состоянии, не берут газет; но зато купцы, мещане любят уже читать их. Самые бедные люди подписываются; и самые безграмотные желают знать, *что пишут из чужих земель!* Одному моему знакомцу случилось видеть несколько пирожников, которые, окружив чтеца, с великим вниманием слушали описание сражения между австрийцами и французами. Он спросил и узнал, что пятеро из них складываются и берут «Московские ведомости», хотя четверо не знают грамоте; но пятый разбирает буквы, а другие слушают.

Наша книжная торговля не может еще равняться с немецкою, французскою или английскою; но чего нельзя ожидать от времени, судя по ежегодным успехам ее? Уже почти во всех губернских городах есть книжные лавки; на всякую ярманку, вместе с другими товарами, привозят и богатства нашей литературы. Так, например, сельские дворянки на Макарьевской ярманке запасаются не только чепцами, но и книгами. Прежде торгошники езжали по деревням с лентами и перстнями: ныне ездят они с *ученым товаром*, и хотя по большей части сами не умеют читать, но, желая прельстить охотников, рассказывают содержание романов и комедий, правда, по-своему и весьма забавно. Я знаю дворян, которые имеют ежегодно дохода не более 500 рублей, но собирают, до их словам, *библиотечки*, радуются ими и, между тем как мы бросаем куда попало богатые издания Вольтера, Бюффона, они не дают упасть пылинке на самого «Мирамонда»; читают каждую книгу несколько раз и перечитывают с новым удовольствием.

Любопытный пожелает, может быть, знать, какого роду книги у нас более всего расходятся? Я спрашивал о том у многих книгопродавцев, и все, не задумавшись, отвечали: «Романы!» Немудрено: сей род сочинений, без сомнения, пленителен для большей части публики, занимая сердце и воображение, представляя картину света и подобных нам людей в любопытных положениях, изображая сильнейшую и притом самую обыкновенную страсть в ее разнообразных действиях. Не всякий может философствовать или ставить себя на месте героев истории; но всякий любит, любил или хотел любить, и находит в романическом герое самого себя. Читателю кажется, что автор говорит ему языком собственного его сердца; в одном романе питает надежду, в другом — приятное воспоминание. В сем роде у нас, как известно, гораздо более переводов, нежели сочинений, и, следовательно, иностранные авторы перебивают славу у русских. Теперь в страшной моде Коцебу — и как некогда парижские книгопродавцы требовали *Персидских писем* от всякого сочинителя, так наши книгопродавцы требуют от переводчиков и самых авторов Коцебу, одного Коцебу!! Роман, сказка, хорошее или дурное — все одно, если на титуле имя славного Коцебу!

Не знаю, как другие, а я радуюсь, лишь бы только читали! И романы самые посредственные, — даже без всякого таланта писанные, способствуют некоторым образом просвещению. Кто пленяется «*Никанором, злощастным дворянином*», тот на лестнице умственного образования стоит еще ниже его автора, и хорошо делает, что читает сей роман: ибо, без всякого сомнения, чему-нибудь научается в мыслях или в их выражении. Как скоро между автором и читателем велико расстояние, то первый не может сильно действовать на последнего, как бы умен ни был. Надобно всякому что-нибудь поближе: одному Жан-Жака, другому Никанора. Как вкус физический вообще уведомляет нас о согласии пищи с нашею

потребностию, так вкус нравственный открывает человеку верную аналогию предмета с его душою; но сия душа может возвыситься постепенно — и кто начинает *Злощастным дворянином*, нередко доходит до Грандисона.

Всякое приятное чтение имеет влияние на разум, без которого ни сердце не чувствует, ни воображение не представляет. В самых дурных романах есть уже некоторая логика и риторика: кто их читает, будет говорить лучше и связнее совершенного невежды, который в жизнь свою не раскрывал книги. К тому же нынешние романы богаты всякого рода познаниями. Автор, вздумав написать три или четыре тома, прибегает ко всем способам занять их, и даже ко всем наукам: то описывает какой-нибудь американский остров, истощая Бишинга; то изъясняет свойство тамошних растений, справляясь с Бомаром; таким образом, читатель узнает и географию и натуральную историю; и я уверен, что скоро в каком-нибудь немецком романе планета Пиацици будет описана еще обстоятельнее, нежели в «Петербургских ведомостях».

Напрасно думают, что романы могут быть вредны для сердца: все они представляют обыкновенно славу добродетели или нравоучительное следствие. Правда, что некоторые характеры в них бывают вместе и приманчивы и порочны; но в чем же они приманчивы? некоторыми добрыми свойствами, которыми автор закрасил их черноту: следственно, добро и в самом зле торжествует. Нравственная природа наша такова, что не угодишь сердцу изображением дурных людей и не сделаешь их никогда их любимцами. Какие романы более всех нравятся? обыкновенно чувствительные: слезы, проливаемые читателями, текут всегда от любви к добру и питают ее. Нет, нет! дурные люди и романов не читают. Жестокая душа их не принимает кротких впечатлений любви и не может заниматься судьбою нежности. Гнусный корыстолюбец, эгоист, найдет ли себя в прелестном романтическом герое? а что ему нужды до других? Неоспоримо то, что романы делают и сердце и воображение... *романическими*: какая беда; тем лучше в некотором смысле для нас, жителей холодного и железного севера! Без сомнения, не романтические сердца причиною того зла в свете, на которое везде слышим жалобы, но грубые и холодные, то есть совсем им противоположные! Романическое сердце огорчает себя более, нежели других; но за то оно любит свои огорчения и не отдаст их за самые удовольствия эгоистов.

Одним словом, хорошо, что наша публика и романы читает.

1802

ЗАПИСКА О Н. И. НОВИКОВЕ

Господин Новиков в самых молодых годах сделался известен публике своим отличным авторским дарованием: без воспитания, без учения писал остроумно, приятно и с целью нравственною; издал многие полезные творения, например: «Древнюю российскую вивлиофику», «Детское чтение», разные экономические, учебные книги. Императрица Екатерина II одобряла труды Новикова, и в журнале его («Живописце») напечатаны некоторые произведения собственного пера ее. Около 1785 года он вошел в связь по масонству с берлинскими теософами и сделался в Москве начальником так называемых *мартинистов*, которые были (или *суть*) не что иное, как *христианские мистики*: толковали природу и человека, искали таинственного смысла в Ветхом и Новом завете, хвалились древними преданиями, унижали школьную мудрость и проч.; но требовали истинных христианских добродетелей от учеников своих, не вмешивались в политику и ставили в закон верность к государю. Их общество, под именем *масонства*, распространилось не только в двух столицах, но и в губерниях; открывались *ложи*; выходили книги масонские, мистические, наполненные загадками. В то же время Новиков и друзья его на свое иждивение воспитывали бедных молодых людей, учили их в школах, в университетах; вообще употребляли немалые суммы на

благотворение. Императрица, опасаясь вредных тайных замыслов сего общества, видела его успехи с неудовольствием: сперва только шутила над заблуждением умов и писала комедии, чтобы осмеивать оное; после запретила *ложу*; — но, зная, что масоны не перестают *работать*, тайно собираются в домах, проповедуют, обращают, внутренне досадовала и велела московскому градоначальнику наблюдать за ними. Три обстоятельства умножили ее подозрения. 1) Один из мартинистов, или теософистских масонов, славный архитектор Баженов, писал из С.-Петербурга к своим московским друзьям, что он, говоря о масонах с тогдашним великим князем Павлом Петровичем, удостоверился в его добром об них мнении. Государыне вручили это письмо. Она могла думать, что масоны, или мартинисты, желают преклонить к себе великого князя. 2) Новиков во время неурожая роздал много хлеба бедным земледельцам. Удивлялись его богатству, не зная, что деньги на покупку хлеба давал Новикову г. Походяшин, масон, который имел тысяч шестьдесят дохода и по любви к благодеяниям в сей год разорился. 3) Новиков вел переписку с прусскими теософами, хотя и не политическую, в то время, когда наш двор был в явной неприязни с берлинским. Сии случаи, Французская революция и излишние опасения московского градоначальника решили судьбу Новикова: его взяли в Тайную канцелярию, допрашивали и заключили в Шлиссельбургской крепости, не уличенного действительно ни в каком государственном преступлении, но сильно подозреваемого в намерениях, вредных для благоустройства гражданских обществ. Главное имение Новикова состояло в книгах: их конфисковали и большую часть сожгли (то есть все мистические). Были тайные допросы и другим главным московским мистикам: двух из них сослали в их деревни; третьего, И. В. Лопухина, который отвечал смелее своих товарищей, оставили в Москве на свободе. — Император Павел в самый первый день своего восшествия на престол освободил Новикова, сидевшего около четырех лет в душной темнице; призывал его к себе в кабинет, обещал ему свою милость, как невинному страдальцу, и приказал возвратить конфискованное имение, то есть остальные, несожженные книги.

Заклучим: Новиков как гражданин, полезный своею деятельностью, заслуживал общественную признательность; Новиков как теософический мечтатель по крайней мере не заслуживал темницы: он был жертвою подозрения извинительного, но несправедливого. Бедность и несчастье его детей подают случай государю милосердному вознаградить в них усопшего страдальца, который уже не может принести ему благодарности в здешнем свете, но может принести ее всевышнему.

1818

<МЫСЛИ ОБ ИСТИННОЙ СВОБОДЕ>

Можно ли в нынешних книгах или журналах (книги не достойны своего имени, ибо не переживают дня), можно ли в них без жалости читать пышные слова: настало время истины; истиною все спасем; истиною все ниспровергнем... Но когда же было время не-истины? когда не было Провидения и вечных его уставов? — Умные безумцы! и вы не новое на земле явление; вы говорили и действовали еще до изобретения букв и типографий!.. Настало время истины: т. е. настало время спорить об ней!

Аристократы, Демократы, Либералисты, Сервилисты! Кто из вас может похвалиться искренностью? Вы все Августы, и боитесь заглянуть в глаза друг другу, чтобы не умереть со смеху. Аристократы, Сервилисты хотят старого порядка: ибо он для них выгоден. Демократы, Либералисты хотят нового беспорядка: ибо надеются им воспользоваться для своих личных выгод.

Аристократы! вы доказываете, что вам надобно быть сильными и богатыми в утешение слабых и бедных; но сделайте же для них слабость и бедность наслаждением! Ничего нельзя доказать против чувства: нельзя уверить голодного в пользе голода. Дайте нам чувство, а не

теорию. — Речи и книги Аристократов убеждают Аристократов; а другие, смотря на их великолепие, скрежещут зубами, но молчат или не действуют, пока обузданы законом или силою: вот неоспоримое доказательство в пользу Аристократии: палица, а не книга! — Итак, сила выше всего? Да, всего, кроме Бога, дающего силу!

Либералисты! Чего вы хотите? Счастья людей? Но есть ли счастье там, где есть смерть, болезни, пороки, страсти?

Основание гражданских обществ неизменно: можете низ поставить наверху, но будет всегда низ и верх, воля и неволя, богатство и бедность, удовольствие и страдание.

Для существа нравственного нет блага без свободы; но эту свободу дает не Государь, не Парламент, а каждый из нас самому себе, с помощью Божиею. Свободу мы должны завоевать в своем сердце миром совести и доверенностию к провидению!

1826

ИЗБРАННЫЕ ПИСЬМА

Письмо В. М. Карамзину

Москва, 1 июня 1813

С грустью и тоской въехали мы в развалины Москвы. Живем в подмосковной нашего князя Вяземского; бываем и в городе. Думаем около половины августа ехать в Петербург, чтобы печатать написанные мною томы Истории. Едва ли могу продолжать ее. Лучше выдать, пока я жив. Никаких планов для будущего не делал. Да будет, что угодно Всевышнему. — Еще неизвестно, когда государь возвратится в Петербург, а без него мне нельзя печатать Истории. Следственно, мы и не уверены, когда точно поедим туда. Здесь трудно найти дом: осталась только пятая часть Москвы. Вид ужасен. Строятся очень мало. Для нас этой столице уже не бывать.

Письмо И. И. Дмитриеву

Царское Село, 22 окт. 1825

Любезнейший друг! В ответ на милое письмо твое скажу, что о вкусах, по старому латинскому изречению, не спорят: я точно наслаждаюсь здешнею тихой, уединенною жизнью, когда здоров и не имею сердечной тревоги. Все часы дня заняты приятным образом: в девять утра гуляю по сухим и в ненастье дорогам, вокруг прекрасного, не туманного озера, славимого и в *Conversations d'Emilie*; в 11-м завтракаю с семейством и работаю с удовольствием до двух, еще находя в себе и душу и воображение; в два часа на коне, несмотря ни на дождь, ни на снег: трясусь, качаюсь — и весел; возвращаюсь с аппетитом, обедаю с моими любезными, дремлю в креслах и в темноте вечерней еще хожу час по саду, смотрю вдали на огни домов, слушаю колокольчик скачущих по большой дороге и не редко крик совы; возвратясь свежим, читаю газеты, журналы не-русские, книгу не-русскую; в 9 часов пьем чай за круглым столом и с десяти до половины двенадцатого читаем с женою и с двумя девицами Вальтер-Скотта, романы, но с невинной пищею для воображения и сердца, всегда жалея, что вечера коротки. Не знаю скуки с зевотою и благодарю Бога. Рад жить так до конца жизни. Вот следствие, вероятно, лучшего здоровья; не знаю, продолжится ли, но так теперь. Что мне город? Однако ж думаем недели через три перебраться туда; наши девицы не моего вкуса, и Сонюшка в флюсе, обвиняя в том наши китайские домики, хотя и не сырые, не холодные. Я так неподвижен, что был только однажды в Гатчине, несмотря на мою сердечную любовь к императрице. Работа сделалась для меня опять сладка: знаешь ли, что я с слезами чувствую признательность к небу за свое историческое дело? Знаю, что и как пишу; в своем тихом восторге не думаю ни о современ-

никах, ни о потомстве: я независим и наслаждаюсь только своим трудом, любовью к отечеству и человечеству. Пусть никто не будет читать моей Истории: она есть, и довольно для меня. Одним словом, я совершенный граф Хвостов по жару к Музам или Музе! За неимением читателей могу читать себя и бормотать сердцу, где и что хорошо. Мне остается просить Бога единственно о здоровье милых и насущном хлебе до той минуты,

«Как лебедь на водах Меандра,
Пропев, умолкнет навсегда».

Чтобы чувствовать всю сладость жизни, надобно любить и смерть, как сладкое успокоение в объятиях Отца. В мои веселые, светлые часы я всегда бываю ласков к мысли о смерти, мало заботясь о бессмертии авторском, хотя и посвятив здесь способности ума авторству. — Так пишут к друзьям из уединения.

Теперь обратимся к Парижу, где наш Тургенев, одетый лучшим портным, питаемый лучшим ресторатором, наслаждается жизнью, не забывая русских друзей; в доказательство чего прислал жене и дочерям моим цветы, эшарны etc. Без него Петербург для нас опустел: разве Блудов от времени до времени будет к нам заглядывать, Жуковский, граф Сергей Петрович — или Хвостов!

Радуюсь вашим свадьбам. Новобрачный Бекетов не сын ли Аполлона Ник.? — Видишь ли иногда А. Ф. Малиновского? Давно ничего об нем не слышу. — Брат Александр Мих. хлопчет здесь о займе денег и сыновьях: к искреннему сожалению, с ним почти не вижусь; и ему и мне ездить не легко по грязи 25 верст.

Прости, любезнейший друг, до первого письма или мысленного свидания. Будь здоров. Все мое семейство обнимает тебя нежно. Жена и девицы благодарят за милые строки.

Ты уже совершенно кончил *Записки*? Прочитываешь ли, добавляешь ли? Сколько в них листов? Я привык исчислять листы. — Навеки твой

Н. Карамзин.

Письмо П. А. Вяземскому

С.-Петербург, 11 января 1826

Любезнейший князь! Пишу к вам, с г. Погодиным, и тем искреннее могу сказать, сколько мы обрадовались, что бурная туча не коснулась до вас ни краем, ни малейшим движением воздушным. Только ради Бога и дружбы не вступайтесь в разговорах за несчастных преступников, хотя и не равно виновных, но виновных по всемирному и вечному правосудию. Главные из них, как слышно, сами не дерзают оправдываться. Письма Никиты Муравьева к жене и матери трогательны: он во всем винит свою *слепую гордость*, обрекая себя на казнь законную в муках совести. Не хочу упоминать о смертоубийцах, грабителях, злодеях гнусных; но и все другие не преступники ли, безумные или безрассудные, как злые дети? Можно ли быть тут *разным мнениям*, о которых вы говорите в последнем вашем письме с какой-то *значительностью* особенной? Если мы с женой ошиблись в смысле и в применении, то все сказанное мною само собою уничтожается; останется только чувство нежнейшей к вам дружбы, принадлежность нашей сердечной жизни!

Александра нет: связь и прелесть для меня исчезли; вижу без очков, сужу без закупа и смиряюсь духом более, нежели когда-нибудь. Еще повторяю от глубины души: не радуйте изветников ни самую безвиннейшую нескромностью! У вас жена и дети, ближние, друзья, ум, талант, состояние, хорошее имя: есть что беречь. Ответа не требую. Уведомьте только о здоровье детей милых и своем. Целую руку у любезнейшей княгини, всех вас обнимая нежно. Ваш

Н. Карамзин.

ПРИМЕЧАНИЯ

Тексты статей печатаются по изданию: Карамзин Н. М. Избранные сочинения. М.-Л., «Художественная литература», 1964, т. 2.

Тексты писем и примечания А. Ф. Смирнова печатаются по изданию: Карамзин Н. М. Избранные статьи и письма. М., «Современник», 1982.

Что нужно автору?

Впервые опубликовано в альманахе «Аглая», 1794, ч. 1.

Славного Аруэта — то есть славного Вольтера.

Благодетель Каласовой фамилии — имеется в виду дело протестанта Жана Каласа, казненного в 1762 году по ложному обвинению в убийстве сына, принявшего католицизм. После упорной борьбы Вольтеру удалось доказать невиновность Каласа. Родственники пострадавшего длительное время имели пристанище в доме Вольтера.

Благодетель всех Фернейских жителей. — В последние двадцать лет своей жизни Вольтер жил на границе Швейцарии и Франции в имении Ферней. Он благоустроил находившуюся при нем деревню, приютив многих лиц, искавших здесь убежище от преследователей.

Прекрасной Заиры — Заира — главная героиня одноименной трагедии Вольтера, написанной в 1732 году, пользовавшейся триумфальным успехом у тогдашних зрителей и читателей.

Пантеон русских авторов

Впервые опубликовано в «Вестнике Европы», 1802, № 20.

Приятные виды, надежды и желания нашего времени

Впервые опубликовано в «Вестнике Европы», 1802, № 12. В статье нашли отражение несбыточные надежды автора, что удастся побудить молодого императора издать коренные законы, исполнение которых будет строго обязательно для всех сограждан, не исключая и монарха.

О книжной торговле и любви ко чтению в России

Впервые опубликовано в «Вестнике Европы», 1802, № 9. Высокую оценку деятельности Н. Новикова Карамзин позже повторил в «Записке о Новикове». В статье упомянут роман Матвея Комарова «Несчастный Никанор, или Приключение российского дворянина» (изд. 1775, 1787-1789 — второе). Упомянута также публикация «С.-Петербургских ведомостей» (№ 25 от 28 марта 1802 г.) об открытии итальянским астрономом Пиации планеты Цирцеры. В статье говорится об известном английском писателе-сентименталисте Ричарде Грандисоне, очень популярном в те годы в России. Известны подражания ему, например роман П. Львова «Российская Памела, или История Марии Добродетельной поселянки» (1789).

На Макарьевской ярманке — Макарьевская ярмарка, возникшая еще в XVII в., считалась одной из важнейших в тогдешнее время. Позже была перенесена в Нижний Новгород.

На самого «Мирамонда» — имеется в виду роман Ф. Эмина «Непостоянная фортуна, или похождение Мирамонда» (1763). Несколько раз переиздавался в XVIII в.

Теперь в страшной моде Коцебу — в самом начале XIX в. значительное распространение получили произведения второстепенного писателя Коцебу. Это увлечение тогдашних читателей известно в истории литературы под глумливым названием «козебятины».

Требовали Персидских писем — имеются в виду чрезвычайно популярные в Европе «Персидские письма» Монтескье.

Записка о Н. И. Новикове

Впервые опубликована в книге «Неизданные сочинения и переписка Н. М. Карамзина», 1862, ч. 1.

«Записка» написана в 1818 году, вскоре после смерти Новикова; обращаясь к Александру I, Карамзин обосновывал просьбу о помощи семье просветителя, разоренной Екатериной II.

< Мысли об истинной свободе >

Набросок относится к последнему году жизни историографа и свидетельствует, что его размышления о наилучших формах государственного правления, прошедшие красной нитью через всю его жизнь, так и не были завершены. Призыв историографа к нравственному самовоспитанию хорош и действителен лишь тогда, когда социальные обстоятельства, общественная среда становятся подлинно человеческими в эпоху «практического гуманизма».

Документ впервые опубликован в 1862 году («Неизданные сочинения и переписка», с. 194-195). Автограф хранится в фонде Карамзина в Государственной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина.